

Давид Фонкинос

Мне лучше

David Foenkinos
Je vais mieux

Давид Фонкинос
Мне лучше

Роман

Перевод с французского

Натали Мавлевич
и Марии Липко

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ф77

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Фонкинос, Давид.

Ф77 Мне лучше: роман / ДАВИД ФОНКИНОС; пер. с франц. Н. МАВЛЕВИЧ,
М. ЛИПКО. — Издательство АСТ: CORPUS, 2016. — 480 с.

ISBN 978-5-17-084934-5

Давид Фонкинос, увенчанный в 2014 году сразу двумя престижными наградами — премией Ренодо и Гонкуровской премией лицейстов, — входит в десятку самых популярных писателей Франции. Его романы имеют успех в тридцати пяти странах. По знаменитой “Нежности” снят фильм с Одри Тоту в главной роли, а тираж книги давно перевалил за миллион.

Герой романа “Мне лучше” — ровесник автора, ему чуть за сорок. У него есть все, что нужно для счастья: хорошая работа, красивая жена, двое детей, друзья. И вдруг — острая боль в спине. Врачи разводят руками и советуют искать психологические причины. Приходится разбираться со своим прошлым, выяснять отношения с детьми, с родителями, с женой. Благополучие трещит по швам, а поиски исцеления превращаются в настоящий квест.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-084934-5

- © Editions Gallimard, Paris, 2013
 - © Н. Мавлевич, перевод на русский язык (части I и II), 2016
 - © М. Липко, перевод на русский язык (части III–V, эпилог), 2016
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2016
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Часть первая	9
Часть вторая	197
Часть третья	271
Часть четвертая	371
Часть пятая	423
Эпилог	476

Часть первая

1

Нельзя не почувствовать, когда ты на пороге перемен. Я сразу понял: *что-то назревает*. Хотя и представить себе не мог, какие меня ждут крутые повороты. Поначалу просто стала побаливать спина, колело в поясице, в одной точке. Раньше ничего такого не бывало, и я не придавал значения этой ерунде. Подумал — что-то нервное, от перенапряжения, столько хлопот было в последнее время.

Исходным пунктом всей истории можно считать то воскресенье — один из первых погожих деньков в году. Когда так радуешься солнцу, пусть пока еще слабенькому и робкому. Мы с женой пригласили на обед друзей —

семейную пару, которую, собственно, приглашаем всегда; дружба с ними давно превратилась в такую же застарелую привычку, как наша супружеская любовь. Впрочем, в тот раз было кое-что новенькое. Мы только что переехали в маленький загородный дом с садом. И садом этим страшно гордились. Жена сажала в нем розовые кусты с едва ли не эротическим благоговением, и я понимал: в этот клочок земли она вкладывала все душевные упования. Иной раз мы гуляли по цветнику вдвоем и вдруг нас пробивало страстью, как в старину. Тогда мы спешили в спальню, чтобы на двадцать минут вернуть свои двадцать лет. Редкие и потому особенно дорогие мгновения. Хроническая усталость Элизы ненадолго отступала. Моя жена становилась беспомощной и нежной, а я каждый раз дивился собственной доблести — ведь смог же я когда-то сделать ей детей!

Итак, я принес из кухни четыре чашки кофе на подносе, и Элиза спросила:

— Что с тобой? Ты как-то неважно выглядишь.

— Да так, спина заныла. Ничего страшного...

— Что поделаешь, возраст... — сказал Эдуар своим обычным дурашливым тоном и притворно вздохнул.

Я отмахнулся — пустяки! Не люблю быть в центре внимания. А быть предметом обсуждения — и подав-

но. Однако кололо все сильнее. Жена о чем-то разговаривала с гостями, а я никак не мог включиться. Только прислушивался к боли и соображал, где и когда я мог надорваться в последние дни. Да вроде бы нигде. Тяжестей не поднимал, резких движений не делал — ну никаких таких заскоков не случилось... с чего вдруг спина разболелась. И почему-то с самой первой минуты я решил, что это серьезная штука. Будто нутром почувал — дело плохо. Или такое время, что мы всегда настроены на худшее? Мало, что ли, наслушался я историй, как болезнь искалечила людям всю жизнь!

— Еще кусочек клубничного торта?

Элиза перебила мои мрачные раздумья. Я, как ребенок, протянул тарелку. Ем-ем, а сам тихонечко ощупываю поясницу. И что-то там как будто есть (шишка, что ли, какая-то), но так оно на самом деле, или мне показалось со страху — иди знай. Глядя на меня, Эдуар отвлекся от торта и спросил:

— Не проходит?

— Нет... Не пойму, что стряслось... — признался я с легкой паникой в голосе.

— Может, тебе лучше прилечь? — сказала Сильви.

Сильви — жена Эдуара. Я познакомился с ней, когда учился в последнем классе лицея. То есть лет двадцать

с лишним назад. Она была двумя годами старше, а разница в возрасте — единственная непреодолимая дистанция между людьми. Я ей увлекся с самого начала, а для нее как был, так и остался мальчишкой. Иногда по субботам она водила меня по каким-то невероятным галереям или выставкам, куда никто, кроме нас, не забредал. Сильви рассказывала, что ей нравится, а что нет, а я старался выработать свой собственный, независимый вкус (и напрасно — по большей части я был с ней согласен). Она уже тогда много занималась живописью и казалась мне воплощением свободы, богемной жизни. Всего того, от чего я очень скоро отказался, поступив на экономфак. Но, прежде чем принять такое решение, целое лето колебался — ведь я хотел стать писателем, ну, или, точнее говоря, у меня были смутные планы написать книгу о Второй мировой войне. Кончилось тем, что я склонился к общему мнению¹ и выбрал практическое поприще. Как ни странно, к такому решению толкала меня и Сильви. Не потому, что не видела во мне таланта — она и двух строчек моих не читала. Скорее всего, она просто считала, что я не гожусь для беспорядочной, полной сомнений и исканий жизни. Наверно, у меня была уж очень добропорядочная физиономия. Физионо-

¹ То есть к мнению родителей.

мия человека, которого в конце концов, двадцать лет спустя, в загородном доме скрутит боль в спине.

Через несколько месяцев после нашего знакомства Сильви представила мне Эдуара и серьезно сказала: “Это мужчина моей жизни”. Меня всегда впечатляло это выражение. Потрясала пышная риторика, с которой самой непредсказуемой в мире вещи — любви — приписывалось непоколебимое постоянство. Как можно быть уверенным, что сиюминутное пребудет вечно? Однако, судя по всему, она оказалась права и за долгие годы брака не разуверилась в Эдуаре. Они с ним составили одну из тех феноменально прочных пар, секрет которых трудно угадать: казалось бы, между супругами совсем ничего общего. Сильви, которая так превозносила богему, влюбилась в студента-дантиста. За много лет я разглядел и в Эдуаре творческую жилку. Он мог говорить о своей профессии с пылом настоящего художника и лихорадочно листал стоматологические каталоги в поисках бормашины по последнему слову техники. Всю жизнь с охотой ковыряться в чужих зубах — в этом, согласитесь, есть своего рода безумие. Но это понимание пришло со временем. А тогда, после первого знакомства, я, помнится, спросил Сильви:

— Скажи честно, за что ты его полюбила?

— За то, как он мне заговаривает зубы.

— Да ладно, кроме шуток!

— Не знаю, за что. Полюбила, и все.

— Да не можешь ты любить зубного врача! Зубных врачей никто не любит. Только такие и пойдут в зубные врачи — кого никто не любит.

Я нес все это из ревности или чтобы ее посмешить. А она погладила меня по щеке и сказала:

— Вот увидишь, ты его тоже полюбишь...

И, как ни странно, не ошиблась. Эдуар стал моим лучшим другом.

Прошло еще несколько месяцев, и я тоже встретил свою любовь. Случилось это очень просто. Раньше все девушки, в которых я влюблялся, на меня и не смотрели. В этой гонке за несбыточным я потерял веру в себя. И уже почти свыкся с мыслью, что обречен на одиночество, как вдруг появилась Элиза. Все сложилось как-то само собой, и рассказать-то особенно нечего. Нам просто было хорошо вместе. Мы гуляли, ходили в кино, выясняли, кому что нравится. Прошло столько лет, а я и сейчас волнуюсь, когда вспоминаю те наши первые дни. Кажется, они так близко, протяни руку — дотянешься... Не верится, что молодость прошла. Да и как в такое поверишь? Эдуар и Сильви по-прежнему рядом. Мы все так же ходим друг к другу

в гости, все так же болтаем о том о сем. Возраст никак на нас не отразился. Ничего не изменилось. Ничего, кроме одного: появилась вот эта моя боль в спине...

Я послушался Сильви, пошел в спальню и лег. Голова кружилась, как после хорошей попойки. Хотя я всего-то и выпил бокал вина перед обедом. Спина противно ныла. Вскоре пришел Эдуар.

— Ну как? Ты нас испугал.

— Мне и правда худо.

— Понимаю. Я же тебя знаю: ты комедию ломать не станешь.

— ...

— Где у тебя болит?

— Вот тут. — Я показал рукой.

— Можно я посмотрю?

— Но ты же зубной врач.

— Зубной врач — как-никак тоже врач.

— Не вижу связи между зубами и спиной.

— Так ты хочешь, чтобы я тебя осмотрел, или нет?

Я задрал рубашку. Эдуар стал ощупывать мою спину. Сначала молча, и в эти несколько секунд мне помешались всякие ужасы, а потом успокоительно сказал, что ничего особенного не нашел.

— Там маленькая шишка, видишь?